

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОКТОР!

Исследователь «потерянного поколения»

Александр АКУЛИНИЧЕВ

Степень доктора социологических наук получил заведующий кафедрой социологии ВолГУ Михаил Александрович Анипкин. Проживший несколько лет в Великобритании и уже получивший там степень PhD, он вернулся на родину и теперь пытается преподавать социологию в нашем университете в соответствии с самыми современными тенденциями и стандартами. Западник по натуре, Михаил Александрович с удовольствием рассказывает о мировых трендах социологической науки, о проблемах российского образования и о своих научных интересах.

Об образовательном кентавре

— Михаил Александрович, вы единственный в нашем университете одновременно доктор наук и Ph.D., то есть обладаете и российской, и западной ученой степенью...

— Пусть это прозвучит нескромно, но я единственный обладатель двух степеней по социологии в Южном Федеральном округе и один из немногих в России.

— ...В связи с этим вопрос: какова разница между отечественной степенью «доктор наук» и западной «philosophy doctor»?

— Это долгий разговор, в рамках одного интервью невозможно все изложить. Если говорить коротко, то эти ученые степени предполагают принципиально разные подходы и к самой работе с материалом, и к защите. Я считаю, что готовить работу для PhD гораздо труднее, а защищать легче, тогда как нашу работу проще написать, но сложнее защитить.

— Почему вы, уже получив степень в Великобритании, решили вернуться в Россию и преподавать здесь?

— Возвратиться меня побудили личные мотивы: здесь моя семья, мои родители, да и период обучения за границей у меня закончился. Возвращаясь на родину, я был уверен, что PhD абсолютно достаточно, потому что руководство нашей страны давно продекларировало унификацию образовательных степеней. Раз мы переходим на бакалавриат и магистратуру, по логике мы должны начать признавать западные ученые степени. Но, к сожалению, приехав сюда, я обнаружил, что переход к Болонскому процессу произошел по принципу кентавра: вместо того, чтобы остановиться на чем-то одном, на лошади или на человеке, мы остановились на кентавре. Наша система не стала Болонской, но уже не является и советской. В ней отсутствует третье, решающее звено — наличие научных степеней, которые бы взаимно признавались. В итоге мне пришлось подтверждать свою степень, переведя свою диссертацию на русский язык, издав монографию и опубликовав необходимое количество ВАКовских статей. Моя ученая карьера казалась мне незавершенной без российской степени.

— Есть ли какое-то движение в сторону? Этот кентавр продолжает существовать, или он постепенно превращается в человека?

— На уровне деклараций, по идее, мы давно уже должны были превратить нашу систему ученых степеней в человека. Президент Дмитрий Медведев в двух своих посланиях, а также недавно в Давосе, говорил об этом, это постоянно становится предметом обсуждения на всевозможных совещаниях. Можно было бы принять одно простое постановление, которое автоматически приравнило бы иностранные докторские степени к нашим — по крайней мере, признавать их в тех случаях, когда человек защитил кандидатскую у нас и докторскую за рубежом. Я выступал с таким предложением, отправлял письма на имя президента, как Владимира Путина, так и Дмитрия Медведева.

Не так много граждан России, которые имеют иностранную ученую степень, и признание Ph.D. могло бы многих из них вернуть на родину. По крайней мере, я знаю людей, остающихся работать за рубежом

именно по этой причине. Получается, что мы приглашаем наши умы возвращаться и работать в России, не создав при этом самого главного условия для их приезда.

О молодости одной науки

— Как вам работаете в ВолГУ?

— Важно то, что в рамках общего направления социологии мы можем разрабатывать любые современные темы и подходы, мы не ограничены каким-то одним профилем. Уровень профессорско-преподавательского состава и подготовки студентов соответствует самым высоким современным стандартам: университет и, в частности, факультет оплачивает закупку дорогостоящих программ, которые необходимы социологу.

— Давайте перейдем к состоянию социологической науки. Какое место занимает сегодня социология в России и на Западе среди других наук?

— К сожалению, социология не является сильной стороной российской науки, и связано это с тем, что как отдельная наука она была институционализирована только в начале 1990-х гг. До этого в номенклатуре ВАК не было даже такой специальности. В советское время социология возродилась только в 60-е гг., до этого в течение тридцати лет она воспринималась как буржуазная наука, противоречащая марксизму. Зачем нужна социология, если есть марксизм? Во многом из-за этого социология в России до сих пор является периферийной, даже провинциальной дисциплиной. Об этом нужно честно говорить и понимать, что если мы хотим идти в ногу со временем, мы обязаны сотрудничать с нашими западными коллегами — тем более что социология есть порождение именно западной науки.

Наша кафедра старается тесно сотрудничать с кафедрой социологии Эссекского университета, мы внимательно смотрим, как они формируют учебные планы и какие предметы являются современными. Мы стараемся максимально использовать западный опыт в преподавании социологии в ВолГУ, в научных исследованиях. Социология начала XXI в. все меньше занимается макропроблемами и все больше внимания уделяет социологии жизни простого человека.

— Например, социология пространства, социология города?

— Да, но не только. Сегодня предметом изучения становятся те категории, которые невозможно измерить и пощупать, так называемые «мягкие» категории: дружба, любовь, доверие. Если прежде социология занималась разработкой всеобъемлющих теорий и ее предметом часто становились классы, различные общности, большие структуры или герои, то современная социология прошла этот период. В ней уже нет какой-то мегатеории, которая покрывала бы все явления и объясняла бы все сразу, на что претендовал, к примеру, структурный функционализм Толкотта Парсонса. Современную социологию интересуют, например, проблемы потребления, финансового поведения людей, различные новые явления в жизни — допустим, исследования трансгендеров (тех, кто меняет пол), «семей по выбору» (семьи из однополых партнеров), социальных сетей и т.д. В современной социологии актуально изучение конкретных социальных практик в определенных социальных группах, чаще всего закрытых: поведение людей в школах, армиях, тюрьмах, больницах. Значительное место в исследованиях занимают качественные методы.

— Насколько отечественная наука восприимчива к этим тенденциям?

— Российская социология все эти темы постепенно осваивает, но в ней еще присутствует некоторая подозрительность к качественным методам, мы пока активно используем количественные.

— В представлении обывателя социология — наука, занимающаяся проведением всевозможных опросов, и только...

— На обывательском уровне такая тенденция действительно до сих пор есть. И связана она с тем, что люди не представляют, кем может работать

человек с образованием социолога. Нигде на Западе этот вопрос не возникает: общество усложняется, появляются новые социальные практики и явления, поэтому социологи работают везде, где предполагается взаимодействие с людьми. К сожалению, в нашей стране по-прежнему бытует мнение, что социолог — это тот человек, который перед выборами ходит по квартирам и узнает, за кого мы будем голосовать. Социология у нас еще слишком молодая наука, поэтому мы вынуждены с трудом идти вслед за западными коллегами.

— Бытует мнение, что социология как университетская специальность — это последний номер в списке, куда подчас поступают те, кому больше нигде поступить не удалось.

— Я не хотел бы, чтобы это было так. Наверное, такие случаи тоже есть, но студенты у нас, как и везде, разные: есть сильные, есть послабее. Есть и те, кто искренне мечтал заниматься социологией и с удовольствием занимается ею сейчас. Преподаватель работает на тех студентах, кто хочет получить максимум знаний, на тех, кто осознанно пришел изучать эту специальность, и даже если из всего набора таковых будет всего несколько человек, уже есть смысл работать.

О «потерянном поколении» и любви к людям

— Какова основная идея вашей диссертации?

— Тема моей диссертации — «Социальная и системная интеграция власти и общества: региональный аспект», и хотя ее можно развивать и дальше, на сегодня она для меня не так актуальна. Основная идея ее такова: я пытался в рамках социологических категорий показать, существует ли в современном российском обществе (на примере Волгоградской области) интеграция или консенсус по некоторым базовым ценностям. Эмпирически было продемонстрировано, что интеграция в обществе существует на уровне непосредственных межличностных отношений, в то время как на уровне социальных институтов (государство, правовые институты и т.д.) она весьма слаба. Эту проблему необходимо решать: нельзя в обществе «перегружать» уровень непосредственного социального взаимодействия. Кажущиеся сильными государство и его институты на деле являются в высшей степени неэффективными, забюрократизированными, в целом слабыми. В этом смысле существует опасность развития таких тенденций, которые могут подрывать основы государства.

— Если перевести сказанное вами на дилетантский язык, то это означает, что мы больше полагаемся на связи со своими друзьями и коллегами, и социальные институты, по сути, тоже держатся только на этом, не справляясь со своими функциями?

— Да, можно сказать и так.

— Что вы исследуете теперь?

— Сейчас мне больше интересны вопросы социальной антропологии — в частности, я изучаю последнее советское поколение.

— У вас даже есть группа на сайте «ВКонтакте», этому посвященная...

— Да, верно. Это мое поколение, люди, родившиеся в конце 60-х — начале 70-х гг. Оно чрезвычайно невелико по демографическому составу и является, так сказать, «поколением детей детей войны». Это поколение людей, которые закончили школу, поступили в вузы или начали работать еще при СССР, а в реальную зрелую жизнь вошли уже в другой стране. Моя гипотеза заключается в том, что для этого поколения характерна очень высокая степень аномии — это такое состояние человека, когда существующие нормы и ценности не являются значимыми. Человек не игнорирует их совсем, но и не воспринимает как свои собственные, как понятные. Например, мои наблюдения говорят о том, что среди представителей последнего советского поколения очень высок процент людей, не принимающих существующую страну по-настоящему своей. Это поколение достаточно пассивное в политическом смысле, что тоже можно объяснить названным мной обстоятельством. Многие, кто мог, уехали на Запад или сидят на чемоданах. Окончательные выводы я буду делать на основании эмпирического материала, придерживаясь метода обоснованной теории («grounded theory»).

— Что стало толчком к изучению данной темы?

— Я всегда был убежден, что мое поколение уникальное во многих смыслах, но никогда не думал, что это будет кому-то интересно. Но в 2006 г. в «Лондонском книжном обозрении» я наткнулся на восторженную рецензию на книгу Алексея Юрчака, посвященную последнему советскому поколению. Правда, у Юрчака это, скорее, поколение 50-х — начала 60-х, то есть тех людей, кто успел активно поработать в советское время. Я же выбрал, на мой взгляд, действительно последнее советское поколение. Это чрезвычайно узкий в демографическом смысле слой, не понимающий, в какой стране живет, и не совсем представляющий свою роль в нынешней ценностной системе координат — по этим двум причинам я называю его «потерянным поколением».

— Кажется, среди преподавателей ВолГУ немало представителей этого «потерянного поколения».

— Среди сотрудников ВолГУ действительно много моих бывших коллег-студентов и ровесников, и в этом плане нам очень повезло: это сильное и творческое поколение, уникальное и во многом не реализовавшее себя. К сожалению, в большом демографическом смысле оно уже вряд ли себя реализует. Я боюсь, что судьба его весьма печальна.

— В завершение разговора, что бы вы посоветовали начинающему социологу, своим нынешним студентам?

— Всем социологам я всегда говорю: искренне любите людей — это ключ к успеху. Именно люди предоставляют нам всю информацию, и только благодаря внимательному отношению к ним можно стать хорошим социологом-практиком. И еще важно уметь критически мыслить, критически воспринимать любую информацию, особенно ту, что идет с экрана телевизора.